

Галкин А. А., д-р исторических наук, профессор
Дзарасов С. С., д-р экономических наук, профессор
Истягин Л. Г., д-р исторических наук.
Келле В. Ж., д-р философских наук, профессор
Колганов А. И., д-р экономических наук.
Логинов В. Т., д-р исторических наук, профессор
Медведев Р. А., д-р исторических наук.
Рудык Э. Н., д-р экономических наук, профессор
Серебрякова З. Л., д-р исторических наук.
Славин Б. Ф., д-р философских наук, профессор
Смолин О. Н., д-р философских наук, депутат Государственной Думы
Шатров М. Ф., драматург

Великая Русская революция: от Февраля к Октябрю (Круглый стол, посвященный 90-летию Февральской революции 1917 г.)*

Бузгалин А. В., доктор экономических наук, профессор (МГУ).

Тема, которую нам придется обсудить в рамках данного семинара, очень сложна и многопланова, и поэтому я предлагаю рассмотреть лишь несколько принципиально значительных вопросов.

Вопрос первый. Насколько мы считаем ушедшими или же не ушедшими в прошлое задачи буржуазно-демократической революции, которое формирует традиционные механизмы гражданского общества, представительную демократию, социальную рыночную экономику (такие требования, как 8-часовой рабочий день, рабочий контроль на предприятиях, являлись, наряду с другими, требованиями февральской революции). Насколько мы считаем эти задачи уходящими в прошлое в условиях XXI века, 90 лет спустя после Февральской революции и 2-4 столетия после революций в Нидерландах и других странах Западной Европы? Не является ли

* Опубликовано: Альтернативы, 2007, № 2, сс. 4-30.

закономерностью для буржуазной системы отрицание своих собственных генетических основ и стремление подорвать не только свободную конкуренцию, о чем писал В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», но и некоторые фундаментальные черты социально-политической системы? Является ли наступление в XXI веке на демократические завоевания правилом только для относительно отсталых стран, или для стран со средним уровнем развития (Россия здесь один из грустных примеров), или же это правило и для развитых стран, учитывая имперские тенденции в США? Или эта угроза вообще не актуальна? Т. е. не можем ли мы сформулировать в качестве гипотезы наличие угрозы вырождения основ буржуазно-демократических свобод и некоторых минимальных социальных завоеваний в экономике – постоянного дамоклова меча, висящего над буржуазной системой? Можно ли сказать, что единственным условием сохранения этих механизмов является постоянное, активное давление альтернативных буржуазии сил, будь то силы внутри страны – профсоюзы, социально-политические движения, или глобальные альтернативные силы сопротивления?

Второй вопрос. Является ли тенденция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую устойчивой или это случайность? В России она проявила себя достаточно четко. Есть и другие примеры – Куба, Чили времен С. Альенде, в меньшей степени другие страны. Можно ли считать, что и в условиях позднего, зрелого капитализма буржуазно-демократические революции будут вызывать этот порыв продвигаться к социализму?

Третий вопрос. Должна ли Россия, чтобы преодолеть тенденции сырьевой ориентации, коррупции, политического авторитаризма, пройти через радикальные буржуазно-демократические и социальные преобразования, которые на самом деле могут носить характер радикальной смены институтов, не будучи революцией в привычном варианте (штурм, насилие). Или иначе: насколько актуальны для России «оранжевые», «цветные» революции, о которых все говорят?

Логинов В. Т., доктор исторических наук, профессор (Горбачев-Фонд).

Видимо, пора уже признать, что Вторая русская революция, юбилей которой мы отмечаем, – это (как и Первая революция 1905–1907 годов) длительный процесс, занявший около четырех лет: 1917–1921 годы. Правы были и Деникин в своей «Истории Русской смуты», и Милюков – в «Истории русской революции», когда они рассматривали этот период как неразрывную цепь взаимосвязанных тенденций и событий. А посему и столь модная сегодня постановка вопроса: а нельзя ли было остановиться на Феврале? – звучит, мягко выражаясь, наивно.

За февралем следовали март-апрель, июнь-июль, август-октябрь. И эта цепь политических, правительственных кризисов была неизбежна. Ибо та гигантская революционная волна, которая прокатилась по России, не могла остановиться, не достигнув своей цели – мира, хлеба, земли. И чем больше призывов к «терпению», чем больше оттяжек и отсрочек выстраивалось на ее пути, тем яростнее и ожесточеннее становился напор «снизу».

А стремительность этого процесса еще более ускорила тем, что в давнем, вековом «диалоге» между властью и народом у народа появилось два новых сильных аргумента: организация и оружие. Более 10 млн. рабочих и крестьян получили в руки винтовки и были выстроены в роты, полки, армии. Именно это и решило исход столь давнего «диалога».

Сегодня не только жеманные гимназистки, но и на вид вполне солидные политики любят говорить о «нежелательности» революции. С таким же успехом можно говорить о нежелательности землетрясений или цунами.

Происхождение подобного предрассудка вполне очевидно. Мы плохо учили историю – это факт. Но беда в том, что в политику пошли худшие из учеников – троечники. Раньше они читали книжки: «Ленин – организатор и вождь Октября», «Партия – организатор Октябрьской революции»...

Теперь они смотрят по телевизору на самые разные «цветные революции», участники которых получают спецпитание и поденную оплату в валюте. И складывается ощущение, что народ – это «быдло», которое опытные политики могут повести за собой куда угодно.

Но не надо путать конфликты между властью и различного рода кланами и тусовками с конфликтом между властью и народом. Даже в старых учебниках никогда не писали о том, что революцию 1905 года или 1917 года начинали по указанию каких-либо партий.

Революции вырастают из острейших общенациональных кризисов как взрыв народного возмущения. Это взрыв народного гнева, копившегося десятилетиями и переполнившего через край чашу покорности и долготерпения. И Ленин многократно писал, что никакой класс, никакая партия, а тем более никакая харизматическая личность или группа лиц не могут вызвать подобного рода социального катаклизма.

Оглядывая панораму 1917 года, видишь, как из месяца в месяц нарастают стихийные взрывы. И осенью они выливаются и в рабочие стачки, и в солдатские погромы, и в крестьянское восстание. И во взятие власти местными Советами в сотнях провинциальных городов и поселков.

Крестьянская война, начавшаяся в России в 1902 году, вновь, как и в первую революцию, соединилась с рабочим движением. Но массы этих движений – рабочего и крестьянского – были слишком разновелики. Бунтарско-анархический элемент захлестывал сознательное ядро. И задачу партии Ленин видел в том, чтобы, встав во главе движения, предотвратить общенациональный стихийный взрыв и «канализировать» энергию борьбы на реализацию подлинных народных нужд и интересов.

В сентябре 1917 года Ленин пишет: «События в русской революции... развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их; напротив, все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы».

Ибо рабочий класс «в силу поворота событий от него не зависящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой... и завоевать власть» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 147.)

Пора, видимо, расстаться и с другим мифом: о демократическом варианте развития России, ворота которому якобы открыл Февраль, а персонально олицетворял этот вариант Керенский.

1917 год стал годом краха российского либерализма. Пока народ в умах либеральной интеллигенции ассоциировался с образом благостного Платона Каратаева, все было ясно: «Свободу народу! Демократия! Всеобщее, равное и тайное голосование!» Но когда на первых же муниципальных выборах в Питере и Москве кадеты, собиравшие здесь по городской курии III и IV Государственных Дум – более 60%, получили теперь лишь 18-20%, один из вождей российского либерализма Василий Алексеевич Маклаков сказал: «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала». Ариадна Тыркова, которую называли «единственным мужчиной в кадетском ЦК», прямо заявила, что всеобщее голосование «приведет нас в яму». И уже весной 1917 года Милюков начинает вести переговоры с адмиралом Колчаком, а потом с Корниловым.

А. И. Солженицын считает, что невозможность «мирного» варианта стала очевидной уже в мае 1917-го, Милюков – что в августе, а Ленин считал, что в сентябре. Сам же Александр Федорович Керенский уже летом 17-го пришел к твердому убеждению, что для спасения страны от катастрофы необходима военная диктатура. И в этом смысле он был вполне солидарен с Корниловым. Другое дело, что в силу своего характера, а главное – утратив массовую поддержку, он оказался неспособным сыграть эту роль.

Президент Франсуа Миттеран рассказывал, что когда Керенский эмигрировал во Францию, он поселился на вилле его друзей. И каждое утро он выходил в парк и, гуляя по аллеям, произносил речи, в которых что-то доказывал, в чем-то оправдывался и т.д. и т.п. А 1917 год очень скоро перестал быть временем речей. Он стал временем прямого действия.

Слишком глубоко разделила Россию конфронтация бедных и богатых, власти и народа, чтобы выйти из кризиса мягкими реформистскими методами. Не было уже на это времени. Не было для этого и «пространства»: слишком узка была нейтральная полоса между линиями окопов противоборствующих сторон.

Существует обывательское представление о том, что годы социальных потрясений гигантски расширяют пространство для свободы воли и выбора. Мол, в такие времена – что хочу, то и ворочу. Наоборот, кризисные ситуации, раскалывая страну надвое, сужают коридор возможных решений. И политическим деятелям часто приходится делать совсем не то, что определяется их личными симпатиями или доктринальными соображениями, а то, что диктуется жизненными обстоятельствами. Это относится и к Керенскому, и к Ленину, о котором один из интеллигентных рабочих очень точно сказал: «И ему приходится *держат* душу за крылья».

Февраль 1917 года положил начало подлинно народной революции. И она сразу стала приобретать не только антипомещичий, но и антибуржуазный характер. За три года до «Апрельских тезисов» Ленина бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в меморандуме на имя государя подвел итог многолетним размышлениям:

«Особенно благоприятную почву для социальных потрясений», – писал он, – «представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и не нужных и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабрикантов. И дальше этого их вождения не идут».

Слово «социализм» было у всех на устах с начала мировой войны. Ибо тот порядок, который сложился в воюющих европейских странах, – госзаказ, госконтроль, регулирование производства и распределения, таксация цен, карточная система, всеобщая трудовая повинность и т.п., – пресса именovala «военным социализмом».

Это были меры, вынужденные войной. И когда Николай II подписал указ о секвестре Путиловского завода и передаче его в госуправление, он, естественно, ни о каком социализме не думал. И когда при Керенском заводы работали на госзаказ, причем не только военные, но и текстильные, – это воспринималось как норма и не вызывало никаких истерик. Даже крестьяне воспринимали эсеровскую программу «социализации» земли как благую весть.

И лишь когда встал вопрос о том, что контроль за производством и распределением, за банками будут осуществлять не коррумпированные чиновники буржуазного государства, а Совдепы, союзы рабочих, союзы служащих, крестьянские организации, – вот тогда и разгорелись страсти. И совсем не о формах собственности и управления, а о том, способен ли «этот народ» на разумные поступки, или это – «быдло», которое надо держать в узде и стойле.

Эта **антибуржуазность** русской народной революции в эпоху империализма объяснялась тем, что буржуазия оказалась неспособной решить *в интересах народа* те задачи, которые поставила новейшая история.

Эту объективную историческую тенденцию и проявил Октябрь.

«Дело облыжно представлено так», – писал Ленин накануне Октября, – «будто кто-то хочет “ввести” социализм в России одним указом, не считаясь ни с уровнем техники, ни с обилием мелких предприятий, ни с привычками и волей большинства населения».

Все это сплошная ложь. Ничего подобного никто не предлагал. Ни одна партия, ни один человек “вводит социализм” указом не собирался. Речь идет и шла исключительно о таких мерах, которые... вполне одобряются массой бедных, т.е. большинством населения, о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте, позволяют ослабить

тягости войны и распределить их равномернее» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 132).

И после Октября, характеризуя политику Советской власти, Ленин с гордостью говорил: «Это не политика большевиков, вообще не политика “партийная”, а политика рабочих, солдат и крестьян, т.е. большинства народа... Ведь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городе» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 36, 37).

Воейков М. И., доктор экономических наук, профессор (Институт экономики РАН)

Главный вопрос всей этой темы и нашей дискуссии состоит в определении характера Русской революции 1917 года. Каким был характер этой революции? Вот капитальный вопрос. В. Т. Логинов в своем творческом и очень интересном докладе в общем-то уклонился от прямого ответа на этот капитальный вопрос. В. Т. Логинов говорит, что это была народная революция. Тем самым как бы и не признается ее социалистический характер. Уже это хорошо. Уже это есть некоторое продвижение.

Относительно Февральской и Октябрьской революции. До сих пор у нас господствует стандартный советский штамп, заложенный еще «Кратким курсом Истории ВКП(б)», что в феврале была буржуазно-демократическая революция, а в октябре случилась социалистическая. Мне представляется такая конструкция совершенно нелепой. Не может капитализм за 7–8 месяцев так мощно развиться, что тут же подготовит общество к социализму. В мировой исторической литературе давно уже говорят и пишут об одной Русской революции 1917 года. Такая же оценка этой революции есть у Троцкого, Милюкова, Мартова и других очевидцев и участников. И я рад, что наконец-то отечественный профессиональный историк сказал, что это была одна революция. После издания «Краткого курса» у нас разделили революцию на две противоположные революции: Февральская революция была буржуазной, но через 7 месяцев она стала социалистической. С точки зрения материалистического понимания истории это абсурд.

Конечно, можно отказаться от материалистического понимания истории. Но тогда нужно объяснить – как нам все же надлежит понимать историю. Нельзя же на веру принимать любые выдумки любого начальства по этому вопросу. Нельзя верить в самоназвания.

Теперь – что касается термина «народная революция», который иной раз действительно употреблял Ленин. Я думаю, что для Ленина проблема характера революции составляла большую задачу. Он бился над этим вопросом. Он был марксистским догматиком в хорошем смысле слова, то есть он не мог просто взять и отбросить марксизм. Ведь согласно марксистской теории в экономически и культурно отсталой стране сначала должна произойти буржуазная революция и только после целой эпохи буржуазного развития можно говорить о построении социалистического общества. Отбросить это положение, значит, отбросить марксизм. Ленин не мог так

сделать, он не мог не быть догматиком – он был марксистом. Вот Сталин не был догматиком и строил всякие теории, которые ему нужны были в конкретный момент времени. Часто эти теории никакого отношения, кроме нескольких фраз, к марксизму не имели.

Вспомним споры большевиков с меньшевиками по поводу характера русской революции 1917 года. Меньшевики считали, что в отсталой стране социалистическая революция невозможна. Ленин в общем и целом был согласен с этим и до 1917 г. говорил о буржуазном характере предстоящей революции. С меньшевиками же спорил по другому поводу. Те заявляли, что поскольку революция не социалистическая, то и власть социалистическим партиям брать не нужно. Ленин же считал, что без пролетарской партии буржуазия все равно ничего не сделает, а лишь пойдет на соглашение с царизмом и самодержавием. Сделать революцию и тем самым вывести страну из кризиса сможет, по мысли Ленина, только рабочая партия. Мысль, надо сказать, верная.

Трагедия и большевиков и меньшевиков состояла в том, что рабочих в стране было крайне мало (буквально проценты), социальная база социал-демократической партии была ничтожна. Ленину нужно было что-то делать, как-то объяснить захват власти пролетарской, социалистической партией в стране, которая к социализму была вовсе не готова. В теоретическом отношении Ленин оказался в тупике. В «Апрельских тезисах» 1917 года о социалистической революции речь не шла. Ленин по этому вопросу испытывал, видимо, наибольшее беспокойство. Ведь у него была марксистская теоретическая схема, по которой революция должна носить буржуазный характер.

Перед Лениным стояла проблема – как использовать марксистскую теорию. Ведь по этой теории новое общество должно строиться планомерно и сознательно, а не спонтанно, как это происходит сейчас, когда «невидимая рука рынка все сделает сама». Капитализм – спонтанно развивающееся общество, социализм – сознательно организованное. В этом смысл теории марксизма. Где-то Бердяев писал, что, когда в России в XIX в. появился марксизм, интеллигенция вздохнула – появилось научное объяснение исторического процесса. Поэтому для Ленина вопросы теории были очень важны. Поэтому он и не спешил объявлять революцию 1917 года социалистической. Так, выступая на III-ем Конгрессе Коминтерна в июле 1921 года, говорил: «Крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывает, что наша революция, в известной степени, была буржуазной». И это через 4 года после самой революции Ленин не решается ее назвать социалистической в точном смысле этого слова. Таких высказываний у Ленина было много, и отсюда использование термина «народная революция» как стремление уйти от сугубо теоретических положений.

Любая революция по сути дела есть народная революция, а иначе это переворот. Ни у Ленина, ни у Троцкого, ни у других большевистских лидеров нет четкой трактовки характера революции. Такое четкое определение дал «Краткий курс

Истории ВКП(б)». Если же пользоваться определением «народная революция», то непонятно, какой после этой революции получился общественный строй.

Характерен в этом смысле пример с Н. И. Бухариным, который вопрос о характере революции рассматривал в целом ряде статей и выступлений середины 20-х годов. Так вот, Бухарин, не ведая о своей собственной судьбе в конце 30-х годов, в позе победителя и «любимца партии» громил в 1926 году ошибочную, как он думал, концепцию меньшевизма, которая исходила из буржуазного характера революции 1917 года. Бухарин рассматривает по этому вопросу взгляды К. Каутского, О. Бауэра, Г. Плеханова, П. Маслова, Д. Далина и др. и заключает, что лучшие меньшевистские идеологи еще в начале революции «давали характеристику этой революции как революции необходимо и неизбежно буржуазной». Аргументация «лучших меньшевистских идеологов», как пишет Бухарин, сводилась к тому, что для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса, а в России ни того, ни другого не было. Стало быть, по их мнению, большевики послужат лишь мостом для какого-нибудь цезаря, бонапарта или кого-нибудь в том же роде, рассуждает Бухарин. И тут же все это он объявляет «клеветническим итогом», ибо никакого цезаря или бонапарта Бухарин среди своей партии в 1926 г. еще не разглядел. Бухарин стоял на такой позиции: если следовать логике меньшевиков о том, что страна не готова к социализму, то получается, что диктатура пролетариата – затея опасная и для самих большевиков. По этой логике, пишет Бухарин, можно лишь «заставить партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или неминуемый разгром или неминуемая гибель по истечению короткого срока ее господства». И несколько ниже еще очень меткие слова писал Бухарин, иронизируя над сомнениями меньшевиков и левых оппозиционеров, что мол, строительство социализма в отсталых условиях России поведет лишь «к вырождению нового режима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии».

Что на это можно сказать сегодня? А то, что очень правильно писал Бухарин, как в воду глядел. Конечно, в 1926 г. Бухарин вполне мог так говорить и насмехаться над своими оппонентами. Но сегодня мы можем констатировать, что оппоненты Бухарина оказались правы, а его ирония 1926 года превратилась в трагедию. Все, как говорил Бухарин, так и получилось. Партия оказалась разгромленной в 1937 г., а сам Бухарин погиб. Значит, сегодня и Бухарин сказал бы о буржуазном характере русской революции. Это полностью вытекает из логики его рассуждений. Значит, и сегодня большевик Бухарин повторил бы общие тезисы марксизма.

Тем самым мы видим, что научные категории и понятия, которые вырабатываются социальной наукой на протяжении столетий, в том числе и марксизмом, нельзя выбрасывать и заменять их общими словами. Общие слова типа «народная революция», «смешанное общество» не дают углубленного понимания ни характера революции, ни характера, возникшего после революции общества.

Если революция была социалистической и общественный строй был социалистическим, куда же все это делось, кто же его предал? Во время Ленина был переходный период, не было еще никакого социалистического общества, только Сталин в середине 30-х годов провозгласил построенный социализм «в основном». Но что у нас было построено – вот вопрос? Как-то по ТВ увидел рекламу: «Хватит париться на работе. Становитесь рантье!». Это антибуржуазная реклама. Буржуазные ценности – это экономный, бережливый труд. Как оказалось, даже сегодня у нас этих ценностей нет, мы еще не поднялись до буржуазно-демократического состояния. В буржуазном обществе, которое противостоит феодализму (и который у нас еще не преодолен окончательно), труд является ценностью. У нас этого нет, люди не хотят работать, а хорошо работать, тем более.

Сейчас стал моден так называемый «цивилизационный» подход. На мой взгляд, это квазинаука, это убийство науки. Если марксизм плох, то представьте другую науку, которая давала бы лучшее понимание истории. «Цивилизационный» подход каждую деревню превращает в особую цивилизацию, со своими законами общественного развития. Такой подход убивает социальную науку, ибо тогда для каждой деревни нужно делать свою, особую науку.

Итак, взамен марксизма никто пока еще не предложил ничего лучшего, никакой другой подход не выясняет общие законы общественного развития, которые объясняют развитие каждой страны. Революция в России в 1917 году, это повтор революций, произошедших во всех странах Западной Европы. Не может быть такой ситуации, что в европейских странах были буржуазные революции, а в России, наиболее отсталой стране, сразу случилась социалистическая революция. С научной точки зрения это нелепо.

Колганов А. И., доктор экономических наук (МГУ).

Мне очень понравился тон, который задал нашей дискуссии В. Т. Логинов, и то, как отреагировал на это М. И. Воейков. Логинов поставил вопрос без оглядки на те шаблоны, которых мы придерживались раньше, а Воейков начал ставить вопрос на той отметке, на которой Логинов закончил.

Относительно идей Троцкого о перманентной революции. Когда ставится вопрос о непрерывном развитии революции от буржуазно-демократического к социалистическому этапу, это не от глупости или желания соорудить красивую доктрину. Этот вопрос поставила жизнь. Когда в относительно отсталой стране совершается буржуазно-демократическая революция, которая решает демократические задачи, то есть очень сильная угроза перерастания этой революции в социалистическую, и это именно угроза, т.к. для социалистической партии такое развитие событий, само по себе, создает тяжелейшие проблемы. О такой угрозе в свое время, еще в 50-е гг. XIX в., писал Ф. Энгельс: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам

общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28, С. 490–491.). А как же быть в условиях такой угрозы?

Первоначальная постановка Лениным вопроса была такой. Никакого социализма, никакой социализм мы сейчас строить не беремся. Наша задача – демократические цели, мы ими и ограничимся. Никакого непосредственного внедрения социализма, это не наша задача, она не стоит в повестке дня. Она может встать в повестку дня, если произойдет революция на Западе, если они всей своей мощью нам помогут. Тогда еще можно будет говорить о социализме в России. Без этого вопрос снимается с повестки дня. Таков был подход в апреле и даже позже. Потом пришел Октябрь, и что стали делать большевики? Ленин бросает «апрельские тезисы» в корзинку и начинает проводить то самое, от чего предостерегал Энгельс, и о чем 10 раз на дню говорилось в печати между февралем и октябрём. – Почему? По глупости? Нет – в силу обстоятельств.

Что это были за обстоятельства? Нужно было решать демократические задачи, не выходящие за рамки буржуазной революции. А кто их будет решать? Буржуазия не хочет и не может. Значит, ее нужно отстранять. Кто придет к власти: мелкая буржуазия, крестьянство? Они оказались недостаточно организованы, чтобы взять власть в крупной стране и эту власть осуществить. Имея большинство в стране по результатам голосования в Учредительное собрание, они оказались неспособными взять власть. А ведь эсеры не рассуждали как меньшевики: раз революция буржуазная, то и власть брать не будем. Но власть им не досталась, а досталась большевикам, т.к. они опирались хотя и на малый в масштабах России социальный слой, но слой весьма организованный, в отличие от всех остальных, на наемных рабочих, на фабрично-заводской пролетариат. Эта прослойка небольшая, но самая организованная, сознательная, культурная среди массы остальных слоев. Опираясь на нее, большевики смогли взять власть. Но, раз они опирались на этот слой, значит, они должны выражать его интересы.

В чем выражались интересы рабочего класса в области культурного строительства? Пролетарская революция по классовому содержанию есть революция антибуржуазная. Никакой речи, чтобы ограничить себя буржуазными рамками, не могло быть. Более того, большевики вынуждены были пойти дальше, чем пошел рабочий класс. Если между февралем и октябрём ставился вопрос, чтобы не отстать от народного движения, то после октября Ленин говорит – мы все время забегаем вперед, мы делаем то, что осознано нами, но не осознано массами, потому, что

события толкают нас в этом направлении. Каким образом можно организовать экономику в стране без буржуазии и против буржуазии? Методом свободы частного предпринимательства? Что делать? Тогда приходится вспомнить о несвоевременных социалистических лозунгах и пытаться их осуществить.

В 1921–1922 г. Ленин начинает понимать, что, если продолжать двигаться в этом направлении, то крах неизбежен, т.к. логика событий, обстоятельств толкает на путь, который перспективы не имеет, и что нужно возвращаться к программе апреля 1917 г. Но каким путем можно разрешить противоречие, которое заложено в «Апрельских тезисах», Ленин не знает, и его статьи 1921–1922 г. действительного ответа на этот вопрос не дают. Он мучительно его ищет, и хотя ответы дает, но они не являются решением. Мы возвращаемся на позиции демократической революции и ограничиваем себя буржуазным культурничеством, при этом власть в руках пролетариата, буржуазия от власти отстранена, ее мы к власти не допустим, и делить с ней власть не будем. Мы заключаем компромисс с крестьянством, но к власти не допускаем. В 1921 г., на X съезде Ленин назвал нашу власть рабоче-крестьянской, а Бухарин удивился – «какой-какой?». И в следующем своем выступлении Ленин сказал, что он не прав, а Бухарин был прав. Государство у нас рабочее. Компромиссов в вопросах власти нет. Что же может пролетариат, составляющий ничтожное меньшинство в стране, какой социализм можно строить на такой основе? Значит, на деле будем строить культурное буржуазное общество, но с пролетарской властью.

А как это может быть? Мы будем решать буржуазные задачи, будем допускать буржуазию к хозяйственному строительству, дадим простор мелкобуржуазному обороту – это в экономике. А в политике незначительный социальный слой, который никакого отношения к предпринимательству не имеет, берет в свои руки политическую власть. Большинство же тех, кто занимается хозяйственным строительством, отстранены от власти. Из этого получается острейший внутренний социальный конфликт. Вопрос о власти встает снова. Либо мы буржуазные и мелкобуржуазные слои будем силой держать и не пускать, либо они сами свою долю власти потребуют и возьмут. Поэтому Ленин, а затем Бухарин разрабатывают программу развития социализма через госкапитализм. Это чистая авантюра, которая не могла быть реализована, и практика показала, что этот план очень скоро дал сбой.

Воейков прав – Сталин не был доктринером. Он видел, что бухаринская программа не может быть реализована, но не по теоретическим соображениям, а в реальности. Кризис сельскохозяйственных заготовок 1928 г. показал, что крестьянин не хочет идти по предложенному социалистическому пути. Была и другая программа – Троцкого, не очень ясно оформленная. Она заключалась в том, что мелкобуржуазные слои нужно прижать, но не сильно обижать, а ставку делать на развитие самостоятельной инициативы рабочего класса. Теоретически очень красивая программа, но не реальная в условиях советской России. Не было у нас в России

такого и в таком масштабе рабочего класса, чтобы эту программу выполнить. Наш фабрично-заводской пролетариат начала XX-го в. на это не потянул.

Сталин, не будучи доктринером, исходил из реальных позиций: власть должна быть в руках пролетариата, потому что он провел Октябрьскую революцию, которая шла под пролетарскими лозунгами и их нужно сохранить, иначе нет оправдания нашей власти. Строя социализм, мы упираемся в крестьянство, при этом пролетариат слаб. Значит, будем вести хозяйственное строительство, не оглядываясь на социалистические принципы, но лозунги сохраним. Пролетариат на роль руководителя хозяйственного строительства не тянет, а буржуазию к руководству мы не допустим. Остается единственный слой, на который можно опереться и который ходом событий был вытолкнут на поверхность – бюрократия. Значит, будем строить государственно-бюрократическое хозяйство. Централизуем в руках бюрократии все рычаги власти и будем ими оперировать, все будем делать сами из центра: проводить индустриализацию, строить механизированное сельское хозяйство.

Это – бонапартистская политика лавирования на основе существовавших тогда классовых противоречий. Как тактика она себя оправдала, но как длительная историческая перспектива она оказалась безуспешной и должна была быть заменена чем-то другим.

Славин Б. Ф., доктор философских наук, профессор (Горбачев-Фонд).

Все, о чем мы сейчас говорим, в определенной степени уже обсуждалось на предыдущих семинарах: опять поднят вопрос о характере революции 1917 года и ее этапах, о том, был ли социализм в СССР, о необходимости сталинского тоталитаризма и т.д. и т.п. «Новым» и неожиданным словом для меня оказалось утверждение о том, что, оказывается, Сталин был творческим человеком, а Ленин доктринером.

Как говорится, «дальше ехать некуда». С этим утверждением можно согласиться только в одном случае: если под «творчеством» понимать не теорию НЭПа, с которой выступил Ленин, а сталинский возврат в начале 30-х гг. от НЭПа к политике «военного коммунизма», не ленинскую идею постепенной добровольной кооперации на селе, а «большой скачок», связанный со сталинской коллективизацией и раскулачиванием деревни, наконец, не проект дебюрократизации советского государства, начертанный в последние годы жизни Ленина, а создание Сталиным тоталитарной системы, с ее незаконными массовыми репрессиями и соответствующей теорией обострения классовой борьбы в условиях построения социализма.

Утверждение о якобы творческой натуре Сталина вызывает в памяти творчество Воланда. Отличие только в том, что Воланд в писательском воображении Михаила Булгакова применял метод «секир башка» лишь к отдельным нехорошим персонажам романа «Мастер и Маргарита», а Сталин пользовался им в реальной действительности применительно к сотням тысяч невинных людей, виноватых только в том, что они не соглашались с «творческим» гением «отца всех народов».

Я думаю, что такая «новаторская» трактовка Сталина есть прямое логическое следствие ошибочного понимания революции 1917 года и всей советской истории со стороны наших докладчиков, и особенно М. Воейкова, не желающего замечать определенных социалистических тенденций ни в Октябрьской революции, ни в советской действительности, которая для него есть почему-то наглядный образец «буржуазного общества», ни больше, ни меньше. Однако об этом я уже подробно говорил в соответствующей статье в «Альтернативах» и отсылаю к ней интересующихся данными вопросами.

Однако вернемся к проблеме Февральской революции. Какая это была революция? Безусловно, она была буржуазно-демократической революцией на российской почве, ставшей составной частью Великой русской революции начала XX века наряду с революцией 1905 года и Октябрьской революцией. Как известно, последняя не только потрясла, но и перевернула мир. И суть этого переворота заключалась в том, что он впервые в истории привел к власти низы общества в лице таких классов, как рабочие и крестьяне. Февраль проложил дорогу к Октябрю, свергнув самодержавие и дав демократию России.

По мнению историка Т. Шанина, Великая русская революция длилась двадцать лет, начиная с 1902 года и кончая 1922 годом. Можно спорить о точности этих исторических рамок, но главное здесь в том, что русскую революцию нельзя мыслить только как некое единовременное явление, приуроченное к той или иной дате, хотя конкретные сроки и даты в революции тоже играют важную роль. Шанин считает русскую революцию первой революцией «развивающейся страны», каковой, по его мнению, была Россия в начале XX века, то есть страны «модернизирующейся» в современном понимании этого слова. Однако не это дискуссионное понимание для меня важно в книгах Шанина, а то, что он рассматривает русскую революцию как непрерывный процесс революционного творчества русского народа, стремящегося снизу решить проблемы, которые верхи решать не хотели.

Прежде всего, и главным образом, это «проблема земли», которая после отмены крепостного права превратилась в хроническую, ибо земля, несмотря на развитие капитализма, по-прежнему оставалась у помещиков. Мало того, капитализм усугубил эту проблему, требуя пустить в свободный оборот важнейшую производительную силу страны. Столыпинская реформа была шагом «вверх» в этом направлении, но шагом специфическим, что отмечал и Ленин, отмечая противоречивость этого шага. Дело в том, что в земле нуждалась не только буржуазия, не только деревенские кулаки, в ней, прежде всего, нуждались середняки и бедняки, составлявшие основную массу крестьянства. Они после рабочих и были главными субъектами русской революции. Без земли голод был постоянным бичом России, заставлявшим массы крестьянства периодически подниматься против помещиков: стихийный захват помещичьих земель и «красные петухи» были характерными явлениями русской революции. После отмены крепостного права, сделавшей крестьян свободными, но не давшей им желанной помещичьей земли, революция встала в повестку дня России: вопрос был лишь в том, когда конкретно

она начнется. И она началась сразу после поражения России в русско-японской войне, которая показала слабость и историческую истощенность самодержавия.

Но 1905 год лишь надломил, но не ликвидировал самодержавие, не решил он и земельную проблему. Крестьянские бунты продолжались в России и после 1905 года. Попытки царской жандармерии обвинить революционных интеллигентов в революционных настроениях крестьянства опровергаются характерными словами одного из крестьянских бунтовщиков о том, что никакие призывы и листки интеллигенции не сумели бы поднять мужика на революцию, если бы земля была в его руках. Подобное говорил и Ленин, считая, что Октябрьская революция была бы невозможна, если бы Февральская революция дала мир и землю крестьянам. Но этого не случилось, и потому народ отвернулся от Временного правительства. Говорят, что лидеры меньшевиков в Советах накануне Октября уговаривали Керенского дать землю крестьянам, доказывая, что в противном случае это сделают большевики. Но Керенский их не услышал, чем позднее и поплатился утратой собственной власти.

В итоге, историческое значение Февраля сводится только к одному – ликвидации монархии, которая к тому времени уже начала самораспадаться. Об этом свидетельствуют многочисленные факты: бесконечные интриги и дрязги при царском дворе, частые военные поражения на фронтах первой мировой войны, наконец, самоотречение от власти последнего самодержца и главнокомандующего российской армии безвольного Николая Второго. Достаточно было в феврале 1917 года стихийного толчка вышедших на улицу голодных женщин Петрограда, оставшихся зимой без хлеба, чтобы их поддержали сразу рабочие и недовольные войной солдаты. Главным политическим лозунгом того времени был лозунг: «Долой самодержавие!». Уже в марте он был реализован: самодержавие рухнуло, и на смену ему приходит двоевластие «Временного правительства» и «Советов рабочих и солдатских депутатов». Дальнейшее развитие Февральской революции определяется взаимоотношением этих двух властей, с одной стороны, масс и Временного правительства, с другой.

Тактика Советов и всех их левых фракций, включая большевиков, в этом случае была одна: поддерживать Временное правительство и оказывать на него сильное давление слева. Но Временное правительство в то время фактически продолжало прежний курс самодержавия – война до победного конца. Однако такой курс только усугублял, а не разрешал общественный кризис, обнаженный Февральской революцией. Мало того, он превращал «Советы» и их левые фракции в своеобразных заложников этого курса.

Что касается народных масс, то они были последовательными противниками этого курса. Солдаты и рабочие жаждали окончания войны, а крестьяне – земли. Ни того, ни другого Временное правительство не давало, хотя время от времени и меняло свой персональный состав, освобождаясь от наиболее одиозных фигур типа промонархически настроенного князя Львова и т.п.

После возвращения из эмиграции Владимира Ленина и его знаменитых «Апрельских тезисов», выдвинувших фактически идею перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, происходит раскол в «Советах»: большевики отказываются от своей прежней тактики поддержки Временного правительства и выдвигают прямо противоположный лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству!». Этот лозунг был во многом созвучен требованиям масс, желавших скорейшего окончания войны и радикальной земельной реформы. Отсюда же известное июльское выступление трудящихся против временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам!». И хотя «Советы» того периода не удовлетворяли большевиков, они поддержали июльскую демонстрацию, хотя и считали ее преждевременной.

Сознательное возвращение большевиков к лозунгу «Вся власть Советам!» происходит лишь после разгрома корниловского путча, когда рабочие и солдатские массы начинают большевизировать «Советы», заменяя в них меньшевиков на большевиков. Большевизация «Советов» практически означала конец Февральской и начало Октябрьской революции, которая и совершается в ночь с 24-го на 25-е Октября 1917 года взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Именно Октябрьская революция сразу сделает то, что должна была сделать буржуазная Февральская революция, – даст российскому народу мир и землю. После провозглашения Советской власти первыми ее декретами станут декреты о мире и земле.

В этих декретах было мало социализма, но без их осуществления, как и без демократического этапа революции, двигаться к социализму было нельзя. Во всяком случае, отказывать Октябрю в его социалистическом характере только на основе анализа этих декретов не следует. Что касается социалистической сути Октябрьской революции, то ее определяют, во-первых, рабочие и солдаты, ее совершившие, во-вторых, те декреты и решения Советской власти, которые закладывали социалистический уклад в стране: это и передача власти Советам, и национализация земли, крупных фабрик и заводов, решение национального вопроса, революция в области культуры и многое другое. Социалистическими, по сути своей, были и меры, предложенные Лениным в его Политическом завещании, предполагавшие, помимо качественного развития производительных сил и кооперации, радикальную антибюрократическую реформу Советов и партии, вплоть до снятия с поста генсека И. Сталина за его нелояльность, грубость и злоупотребление властью.

На мой взгляд, нельзя механически связывать социализм только с уровнем технологического развития России начала XX века, как это делают наши докладчики, надо говорить о его связи с уровнем развития производительных сил, достигнутым по миру в целом, в том числе в самых развитых капиталистических странах. Россия в начале XX века являлась лишь частью, лишь своеобразным «слабым звеном» мировой системы капитализма. И это своеобразие состояло в том, что в России острота социальных и национальных противоречий была выше, чем в других странах,

а рабочий класс был более сознательным и более энергичным, чем, например, в США или Англии.

Нельзя забывать, что именно рабочие являются главной составной частью производительных сил капиталистического общества. Прежде всего, от их энергии и сознательности зависит судьба и успех социалистической революции. Рассматривать развитие производительных сил без уровня развития рабочего класса, его организованности и сознательности – это значит воспроизводить сегодня худший вариант «экономического марксизма», которому у нас в свое время отдали свою дань Струве, Плеханов и меньшевики. Замечу, что именно о таком марксизме Маркс говорил, что если это марксизм, то в таком случае я не марксист. Однако подробнее об этом поговорим в другой раз.

Водолазов Г. Г., доктор философских наук, профессор.

Я вижу следующие задачи нашего обсуждения. Попытаться извлечь некоторые уроки из событий Февральской революции для современных деятелей, демократических, гуманистических, социалистических сил, для их теории и практики. Ставя такую задачу, я понимаю, что это не простая операция, так как нужно отдавать себе отчет, что нынешняя ситуация и ситуация февральских и постфевральских событий имеет сходство в стремлении преодолеть недемократические формы, в стремлении к демократизации общества и страны. Так было в феврале 1917 г. и в конце 80-х – начале 90-х гг. Но есть и существенное различие. Недемократическая романовская самодержавная Россия очень отличалась от сталинско-брежневской организации. А демократические устремления социальных сил в России в 80-е – 90-е гг., их социальное содержание очень отличались от того, что мы видели в февральских событиях 1917 г. И, тем не менее, есть некоторое сходство ситуаций, когда можно извлечь некоторые уроки.

Хочу сказать об одном из главных уроков февраля 1917 г. – это оценка его как движения демократического. Ленин писал: Россия сейчас самая свободная страна в мире, нигде нет такого демократического половодья, митинги, демонстрации, Россия опередила всех. Такое демократическое половодье было у нас в 80-е – 90-е гг., такие моменты, как многопартийность, митинги, слом цензуры и т.д., в этом есть некоторое сходство.

С чем это связано и каковы задачи демократических сил? Было и есть искушение приписать это демократическое половодье тем силам, которые сбросили романовское самодержавие, а в наше время тем силам, которые преодолели сталинско-брежневскую организацию. Есть искушение приписать это Временному правительству, и такой точки зрения придерживались меньшевики, эсеры, лидеры тех Советов. Этой точки зрения придерживаются сейчас исследователи либерального толка. У Ленина другая позиция. Демократия в решающий момент складывалась вопреки Временному правительству. Поэтому лозунги Ленина – «Никакого доверия Временному правительству», это чужая власть. Это демократическое половодье благодаря народной самодеятельности. Самоорганизующая сила масс, создающая

союзы, ассоциации, и высшая форма – Советы. Все ленинские статьи этого периода – это гимн Советам. Итак, не благодаря правительству, а благодаря Советам.

Следующий важный шаг – это правильно оценить Советы. Ленин пишет: мы ухватились за Советы, но мы не понимаем их. И главное, что это происходит до сих пор. Сталинско-брежневские Советы исказили их суть и содержание. Следующий ленинский шаг, важный и для нас, это правильно выстроить тактику и стратегию деятельности. Ленин пишет: Советы – это орган общества (сегодня мы сказали бы: гражданского общества), новая форма организации связи с людьми, не на основе принятого закона, а на основе самодеятельности масс. Советы – не просто общественная организация, а организация силы низов, т.е. организация, обладающая властью, т.е. институт гражданского общества. Организованная власть – это правительство, это государство, орган, облеченный насилием. Советы – это новая власть гражданского общества, противостоящая силе исполнительной власти. Советы – это правительство и государство нового типа. Ленин пишет, что это больше, чем демократия, это выше демократии.

У Ленина есть мысль, что демократия это есть господство народа. Советы – это саmogосподство, господство над самим собой, это другой тип политической организации общества, это выше, чем демократия. Если Вы хотите развивать, укреплять демократию, а не стремитесь пролезть в парламент, в правительство и пытаться сделать там что-либо (хотя как побочный вариант Ленин это не отрицает), клеймите это правительство и тех, кто делает на него ставку. Укрепляйте силу гражданского общества, низовой демократии, а не рассуждайте о социализме и капитализме. Марксистские законы – это уровень абстрактной теории, которая на конкретном уровне вступает в противоречие.

Значит, у каждой деревни свой закон? Да! Есть законы всеобщие, есть законы конкретные. Ты должен учитывать конкретные обстоятельства деревни, региона, где ты работаешь. Нужно поспешествовать накоплению реальной силы гражданского общества, поддерживать союзы, организации и их высшую форму – Советы, а не разговоры о социализме и капитализме. Главная задача теоретиков в этот период – это выявление и пропаганда сути и значения этих организаций гражданского общества как силы, противостоящей силе правящих кругов. Ленин приводит известный ряд мер, как-то: замена армии вооружением народа, полиции милицией и т.д. Это старые принципы времен Парижской Коммуны, но ведь ничего не получилось? Но это были маяки! Задача теоретиков – выяснить суть и значение этой власти нового типа, вносить в самодеятельность масс (подчас стихийную) научное сознание. Плеханов писал: «Пока история готовит армию революции, наша задача готовить офицеров и унтер офицеров революции».

При сталинско-брежневской организации Советы не стали новым типом государства, они оказались старым типом государства. Сегодня нужно дать новый термин. Стратегия вертикали сверху вниз – это старая форма государства. Задача теоретиков-демократов – противопоставить ей стратегию горизонтали. Развитие силы гражданского общества – это урок Февральской революции.

Пригарин А. А., кандидат экономических наук.

Начну с Апрельской конференции 1917 года. Есть выступление Ленина, есть резолюции конференции. Ленин занимает совершенно четкую позицию. Мы в отсталой стране не можем ставить лозунг непосредственного перехода к социализму, но мы должны делать шаги к социализму всюду, где это возможно. Ленин говорит – смешно с лозунгом социализма приходить в деревню к крестьянству. Но есть сахарный синдикат, почему нельзя его национализировать? Если Вы откроете резолюции съездов и конференций, то увидите, что на протяжении всего лета 1917 г. Временное правительство проваливалось, социалистические требования возрастали. В материалах VI съезда мы видим, что появилось положение о национализации. В статье Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» появляется положение о национализации банков, но при этом не трогать личные вклады, даже до 1 млн. рублей. Говорить, что не ставилась задача перехода к социализму, принципиально неверно. То, что не было четкой социалистической программы перед Октябрем, – верно. Но цепочка шагов к социализму была намечена.

Временных правительств было 4. Когда в апреле Ленин приехал, правительство было чисто буржуазным, никакой демократии оно не ограничивало, ограничивало социалистическое правительство, где сидели министры-социалисты, относящие себя к членам РСДРП(о).

Относительно НЭПа – смешно слышать, что это был возврат к буржуазному обществу. Мы переживали длительный переходный период от буржуазного общества к социалистическому. Какое буржуазное общество было? В частной собственности разрешено было иметь заводы до 20-ти человек, это после денационализации, проведенной в 1922 г. Ленин писал, что из России нэповской мы построим Россию социалистическую, задачи построения социализма не менялись. Очень вольно трактовались и последние письма Ленина, и его известное замечание об изменении точки зрения на социализм, но даже вырванное из контекста, оно ничего подобного не дает. Мы Россию завоевали, мы закончили гражданскую войну, и теперь мы меняем свою точку зрения и должны заняться строительством. Также и его известное положение о том, что социализм есть строй цивилизованных кооператоров.

Еще один очень важный момент. Централизацию власти начал Ленин – «Очередные задачи советской власти», апрель 1918 г. Что представляла собой Россия весной 1918 г.? Неграмотность, нет возможности широкой информации, которая доходила бы до глубинки. Каждый район, каждая деревня управляются по-своему. Ленин говорит о стягивании, о создании вертикали власти. Вторая сторона НЭПа – наряду с допущением буржуазных элементов в розничную торговлю, в промышленность, определены пределы; ужесточение политического режима. Все это делал Ленин, понимая историческую необходимость этого. Поэтому и запрещение меньшевиков, эсеров. Посмотрите на резолюции X съезда в историческом контексте. В этой же резолюции есть положение «О дискусионных листах», которые поощряются, но без создания фракций.

Сталин был творческим человеком, но волюнтаристом. Он делал головокружительные маневры, отрицая то, что говорил за месяц до этого. Пример – его указания по коллективизации за период от весны 1929 г. по март 1930 г. В моменты перелома роль партии не снижается, а повышается. Так было и в 80-е гг. Когда идет крутой перекокс, люди, стоящие наверху, политические течения начинают играть решающую роль. В условиях стабильности это не имеет такого значения. В 1912 г. Ленин тем, кто перестал верить, что революция снова поднимется, указал на Китай, Персию, когда поднимутся целые регионы.

Недавно прочитал Суханова «Записки о революции», ничего более интересного о революции не читал, написано блестяще и в литературном отношении.

Павлов М. Ю., кандидат экономических наук (МГУ).

В начале нашей дискуссии было поставлено несколько вопросов, на один из них мне хотелось бы попытаться ответить.

Закономерно ли происходят революции, закономерно ли, что естественное развитие капитализма подводит к революции? Вот стандартная политическая схема: развитие капитализма доходит до какой-то высшей точки, проходит эту точку, и после этого, по идее, начинается переход к социализму, но на самом деле – к империализму. Это констатировали 100–150 лет назад Маркс, Энгельс, и сейчас, когда речь заходит о глобализации, эти ситуации во многом схожи. Что же на самом деле происходит? Я специально приведу несколько отрывков из одной книги, где автор доказывает, что в России с приходом Николая II стали особенно бурно развиваться экономические отношения, они достигли империалистической стадии, а именно – Витте ввел конвертируемый рубль, привлекались иностранные инвестиции, иностранцам давали концессии и т.д. Тем не менее, все происходит по расписанному алгоритму: вывоз всего ценного за границу, что по сути дела ведет к разорению экономики, подрыву отечественного производства. Случайно это происходит или нет? Аналогичные мероприятия мы видели и в странах Латинской Америки. Я предлагаю следующую гипотезу. Действительно, на рубеже XIX–XX столетий мир достиг империалистической стадии развития. В России в экономике идет острая конкуренция, много было разрушено до 1917 г. отнюдь не большевиками.

Что касается раскулачивания 30-х гг. Чтобы определить, кто на самом деле кулак, нужно было получить информацию, что было трудно в тех условиях. На самом деле в деревне шло развитие капиталистических отношений в результате столыпинской реформы, шло расслоение, напряжение социальных отношений. Процесс раскулачивания шел снизу, а власти, Сталин лишь оформили это документально. Вот в чем причина, почему раскулачивание шло так успешно.

Итак, мир достиг стадии империализма, и должен был произойти переход к социализму, правители усвоили уроки и пошел откат, мероприятия госрегулирования, рост госсектора. Большого успеха достигли те страны, которые не открывали своей экономики, т.е. империализм свернул с пути в определенный момент. Возможно, революция не произошла, т.к. развитие империализма притормозили. Почему в

Латинской Америке происходит приход левых правительств? В Европе глобализация, империализм на очередном витке задавлены.

Миронов В. Н., доктор философских наук, профессор (МГИМО).

Я хотел бы начать с такой посылки. Столыпин явился организатором Великой Октябрьской социалистической революции. Разрушив общину, он вытолкнул в города крестьян, которые с крестьянской философией, психологией и составили базу, на которую потом опирались большевики. Если пойти еще дальше, то НЭП, по сути, попытался восстановить общину, он допустил буржуазные отношения в деревне, обострил там социальные отношения. Сталин оперся на 2-ю крестьянскую войну. Мы жарко спорили с Драбкиным о характере Ноябрьской революции в Германии, была ли она социалистической или буржуазной? Я считаю, что она могла бы быть социалистической, но что-то помешало ей перерасти в социалистическую. Может быть, сыграла свою роль ранняя гибель К. Либкнехта и Р. Люксембург? Но, с другой стороны, есть интересный вопрос, который тесно связан и с судьбой ноябрьской революции в Германии, – это вопрос развилки. Такая ситуация сложилась и у нас – либо Корнилов, либо Ленин. Мы видим во Франции буржуазную модернизацию, организованную Ш. де Голлем. В Китае мы видим сейчас выдающийся пример буржуазной революции. Государство – рабочее, коммунистическая партия держит все рычаги власти, при этом есть оптимальные условия, чтобы привлекать западные инвестиции и обеспечивать эксплуатацию своего родного рабочего класса. Хочу процитировать Энгельса, который вывел своеобразное уравнение: уровень насилия обратно пропорционален уровню зрелости экономических условий для перехода к социализму.

Какой строй возник у нас в стране? По этому вопросу идут постоянные споры. Возник азиатский способ производства, но на более высокой экономической основе. Это удел всех ранних социалистических революций. Все ранние социалистические революции вырождались в тоталитарные режимы: Кампучия, Китай, Россия. В этой связи хочу сослаться на цитату из Ницше – новое входит в мир первоначально в искаженном, карикатурном виде.

По поводу альтерглобализма. Мне приходилось часто участвовать в их форумах. Меня потрясло сказанное Негри. Он доказывает, что на сегодня организация масс в такой форме, как Советы, неактуальна, что власть брать не нужно. Самый эффективный способ это максимальное развитие демократии, но не самоорганизация масс. Под демократией он понимает – власть каждого над каждым. В кругах альтерглобалистов и по сей день господствует мнение, что власть брать не надо, что должна быть низовая сеть, что противоположно авторитарной вертикали власти, а советы не являются такой властью. Их лозунг – низовая сеть должна возникнуть в каждой деревне, городе, и она противостоит власти. Каждый раз, когда мы берем власть, мы утверждаем суверенитет и в итоге приходим к сталинизму. Я писал диссертацию по фабзавкомам в Италии и был в шоке, когда услышал, что они

категорически против Советов. Они считают, что как только мы выстраиваем эту вертикаль, мы идем к сталинизму.

Сетевая идея – это одна тема, и вторая тема, которая требует обсуждения – фашизм и социализм, сравнение. Мы видим сейчас его проявление в нашей стране. Фашизм, как некая извращенная форма прямой демократии. Если бы не было такой прямой демократии, такого подъема масс, возможно, того, что произошло в Германии, Италии, не случилось бы.

Келле В. Ж., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН).

Я не историк и не политолог, и хочу остановиться на двух более общих вопросах.

Первый. Нас учили, что социализм, в отличие от предшествующих форм, строится сознательно на основе знания законов общественного развития. Ленин в своем выступлении по поводу четвертой годовщины Октябрьской революции сказал: когда мы делали революцию, то что мы знали? Что будущее – это социализм и что история движется к социализму, это дал нам Маркс. И что движущей силой революции является рабочий класс. Больше мы ничего не знали, остальное должен был сделать опыт масс, и задача заключалась в том, чтобы обобщать этот опыт. Это положение у нас как-то мало осмысливается, а в нем заложен очень большой потенциал. В реальности, когда люди делают историю, они не руководствуются никакими законами.

Два первых выступления, на которые я хочу опереться, показали прежде всего, что шел процесс, и задача партии заключалась в том, чтобы эту стихию ввести в какие-то рамки или, как сказал В. Т. Логинов, канализировать. Политики в своей деятельности исходили из существующих условий. Закон был в самом общем целеположении, что мы движемся к социализму. Все остальное решала конкретная ситуация. Говорить, что люди руководствовались законами, это не так, это осталось у нас еще от прошлого. И Ленин, и Сталин руководствовались конкретными обстоятельствами, старались приспособиться к этим обстоятельствам и либо адаптироваться, либо направить их, как они считали, в нужном направлении.

Одним из уроков события, которое мы обсуждаем, Февральской революции, является размышление о том, как делается история. Единственный урок, который мы можем использовать для своего времени и в какой-то мере учитывать его, – вот так делается история, так она делается и сегодня. Если история делается сознательно, значит, результаты и цели совпадают. А где все наоборот, результаты обратны целям, никакого сознания здесь нет. Мы как раз имели эту ситуацию, все, что мы сделали, имеет обратный результат. Это было и в конце перестройки и сейчас, в 90-е гг. Идеи демократической республики, расцвета, прогресса обернулись тем, что мы сейчас имеем. Я думаю, что этот урок для нас очень важен.

О выступлении А. И. Колганова. Он выстроил железную логику того, как развивалась наша революция от начала XX века до конца сталинской эпохи. Но эта

логика привела к тому, что, в конечном счете, Сталин вынужден был опираться на бюрократию. Получается, что и то насилие, террор, который был организован Сталиным, являлся исторической необходимостью. С этим выводом согласиться нельзя. Вероятно, нужно внести в эти рассуждения некоторые поправки. Сталин опирался на бюрократию, это верно, но это и привело к гибели советской власти. Бюрократия оторвалась от народа и не смогла решить задачи, которые выдвинул сам ход событий во второй половине XX века. Но у Сталина есть и другой момент, который показывает, что Сталин не только канализировал историю, а вводил насилие в историю, хотел насилием изменить исторический процесс. (Коллективизация – голодом). Да, мы должны были быстро провести индустриализацию, коллективизацию, чтобы не быть съеденными соседями, но это мощное насилие превзошло все нормы.

Кроме насилия, в сталинский период был и энтузиазм. Этого сбрасывать со счетов нельзя. Это дало возможность построить индустрию, спасти Советский Союз, спасти нашу Родину.

Галкин А. А., доктор исторических наук, профессор (Институт социологии РАН).

В ходе дискуссии было приведено много фактов, и при всех различиях у нас было общее понимание. Со времени обсуждаемых событий прошло 90 лет, мы пытаемся их понять, осмыслить и может быть, в чем-то эти люди были выше нас.

Революции можно классифицировать по разным основаниям – по движущим силам, по целям, по результатам. И многие споры происходят от того, по каким параметрам оцениваются события. Из этого объективного обстоятельства возникают следующие соображения. В чистом виде революций не бывает. Бывают разные элементы, которые накладываются один на другой, создается некоторое смешение. В каждом случае происходит разное соотношение этих частей. Октябрьская революция по своим движущим силам была преимущественно крестьянской, «народной революцией», по установкам – носила социалистический элемент, по результатам – крайняя, искаженная форма государственно-капиталистической революции, в результате был создан госкапитализм с большим элементом социальной политики. Не чистый госкапитализм, как это было в Германии после первой мировой войны. Элемент социальной политики обеспечивал устойчивость и стабильность в нашей стране.

Опыт событий 90-летней давности показал, что объективное развитие может приводить не к однолинейному результату, а к многолинейному. С этим связан вопрос: возможна ли социалистическая революция в развитых странах? Теоретически да, если возникнет специфическая ситуация, которая приведет к обострению социальных отношений, и это не исключено, т.к. капитализм все время порождает неравенство, и как только это неравенство достигнет критической массы, может возникнуть революция. Но возможна и другая реакция, если произойдет вырождение и распад национальной общности. Или другой вариант – «консервативная

революция», смена власти под крайне консервативными лозунгами. Для нас это важно, т.к. сейчас на смену крайне радикально-либеральной идеологии приходит ретро-консервативная идеология, которая навязывается обществу и уже принимается общественным сознанием.

Бузгалин А. В. (Заключительное выступление).

Предлагаю шесть тезисов в связи с 90-летием буржуазно-демократической революции в России.

Первый тезис. Для позднего капитализма становится вновь актуальной задача совершения буржуазно-демократической революции. Эта актуальность буржуазно-демократических революций вызвана той причиной, что по своим главным параметрам они будут оставаться внутри капиталистической общественно-экономической формации, хотя и создадут предпосылки для выхода за ее рамки.

Этот тезис можно пояснить следующим образом. В результате перехода к заключительной стадии капиталистической системы, в ее рамках происходит подрыв исходных основ этой системы, она начинает отрицать самое себя. Тезис этот не новый: он был сформулирован Лениным, отчасти Марксом и Энгельсом, др. марксистами конца XIX – начала XX веков. Империализм есть только начало, мы пошли дальше. Отсюда возникает угроза скатывания позднего капитализма в сторону от буржуазно-демократических свобод и социального рыночного хозяйства, которая частично начала реализовываться. Причем эта угроза существует как для развитых стран (что отмечается редко), так и для стран со средним уровнем развития. Для развитых стран это угроза движения к империи, причем не по Хардту и Негри, а в жестких и примитивных формах возрастания насилия внутри и вне страны, о чем многие, и я в том числе, писали. Я бы выделил три вида угроз. Первая. Собственно империалистические тенденции в развитых странах, пример США. Вторая. Угроза создания периферийных империй, т. е. пародий на империю, в странах типа России, мусульманских странах и др. Третья. Угроза диктатуры в слаборазвитых странах (она присутствовала на протяжении всего XIX века, и сейчас вновь актуализировалась). Во всех трех случаях задачи буржуазно-демократической революции разрушения всех основных институтов господствующей системы, становится актуальным. Почему буржуазной? Потому что, совершая такую революцию, мы по всем параметрам будем оставаться в рамках капиталистической общественно-экономической формации.

Второй тезис. Причина всего этого в том, что внутри капитализма в XXI веке происходит своего рода ренессанс феодальных, добуржуазных отношений, основанных на внеэкономическом принуждении. Идет подрыв своих собственных, буржуазных, экономических и политических основ, что приводит к восстановлению в новом виде добуржуазных экономических и общественно-политических форм (это можно считать закономерностью закатной стадии каждой системы, когда предшествующие формы начинают как бы возвращаться).

Третий тезис. Буржуазно-демократическая революция нужна, когда в рамках капиталистической системы подрываются основные институты социальной демократии. Если эта тенденция только начинается, то возможна реформистская тенденция восстановления демократических, социальных начал. Если этот процесс заходит далеко, нужна революция. В какой политической форме она будет – это очень интересный вопрос. Может быть, эта форма будет связана с развитием низовых организаций гражданского общества, сетевых структур, которые часто реально забирают власть себе, не изменяя политической системы, т.е. в рамках Конституции, которую реально, де-факто, централизованная власть нарушает.

Четвертый тезис. Наиболее актуальна эта проблема для стран, которые пошли по пути превращения в империю или периферийную империю, претендующую на изменение социально-экономических и общественно-политических форм не только внутри, но и вне страны. И в этом смысле М. Ю. Павлов высказал интересную гипотезу. Капитализм породил ситуацию, когда возможен и необходим путь к качественно новому обществу, царству свободы, начало пути к социализму. В таких странах как Россия, уже давно появилась потенциальная возможность движения к социализму. Предельно жесткие противоречия толкают в этом направлении, но достаточных предпосылок для левой системы не появилось. Отсюда феномен, который я назвал «ловушкой XX века»: необходимость совершить не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию есть, и такие революции все время совершаются, но возможности победоносно их завершить минимальны и требуют каких-то уникальных субъективных условий, либо отсутствуют вовсе.

Тем не менее, совершение революций даже в таких условиях повело развитие в тех странах, где возникли социалистические тенденции, по пути, который отличается от собственной логики развития капиталистической формации. Эта логика, так или иначе, описывалась, об этом говорили. Обычно это сводилось к развитию социалистической системы, но я поставил бы вопрос гораздо шире и вспомнил бы тезис научного коммунизма о 3-х частях международного революционного процесса: «социалистических» странах, «рабочем и коммунистическом движении», национально-освободительном, антиколониальном движении. В этих, хотя и догматических, формулах содержится правда о трех руслах социального творчества, которое было в XX в. Эти три тенденции все-таки повернули мир капитализма в направлении другом, нежели его собственная внутренняя логика. И то, что происходит после краха советской системы и двух остальных русел, в той или иной степени, мне кажется, является возвратом к первоначальным интенциям капитализма. И не случайно мы можем сейчас вновь возвратиться к работам Гильфердинга, Гобсона, Ленина, Р. Люксембург, в которых подчеркивалась агрессивная сущность империализма, стремление к колониальным захватам и др. тезисам, которые, казалось, ушли в прошлое.

Пятый тезис. Буржуазно-демократическая революция в условиях позднего капитализма во всех странах, и развитых и слаборазвитых, на мой взгляд, будет

успешной только при условии активной роли трудящихся или социалистической ориентации развития, как одной из ведущих тенденций. Собственно буржуазные организации, ограниченные буржуазными лозунгами, совершить такую революцию не могут. Это выглядит как парадокс, но реальность такова, что сегодня делать буржуазно-демократическую революцию будут силы социалистической оппозиции, альтерглобалистских и других социальных движений нового типа. Выступать они будут под лозунгами, выходящими за рамки буржуазно-демократической революции, и требовать, выражая настроения масс, будут больше, чем простые буржуазно-демократические преобразования. Можно сказать, что они всегда будут идти под лозунгами:

- социальной экономики, т.е. социал-демократической модели буржуазной экономики в новом ее издании;
- низовой демократии, а не просто восстановления парламентской демократии;
- общедоступного образования, медицины, культуры как альтернативы обществу потребления.

Насколько этим силам удастся сделать шаг больший, чем буржуазно-демократическая революция, пойдя в сторону социализма, низовой демократии, сказать сложно, но идти по этому пути через буржуазно-демократическую революцию можно: антифашистские, антидиктаторские (Латинская Америка, Испания, Португалия, Куба) революции.

Шестой тезис. Идеальный путь – это перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Здесь нет нового ничего. Внутренняя логика буржуазно-демократической революции, которая делается преимущественно левыми силами, требует именно такого перерастания. Удастся ли оно и если да, то при каких условиях, и как – это мы сейчас не обсуждаем.

В этой связи в качестве небольшого отступления напомним некую тезу, которая существует в классическом наследии и которую мы не учли. Наиболее значительным в революции, в опыте революции 1917 г., является не позиция большинства, а *позиция той общественной силы, которая обладает максимальной энергией социального творчества*, – организованной, способной к действию, социальному преобразованию, имеющей стратегию силы (здесь существенно единство деятельности, отношения, общественной связи). Это сила, которая по отношению к другим структурам выступает как субъект, ведущий преобразовательную деятельность, в т. ч. иногда вопреки интересам большинства.

(Реплика Келле): Это очень опасная теза.

Да, это опасная теза. И здесь принципиально важен вопрос о границах этого социального творчества. Грубо и примитивно ответ можно сформулировать так: в той мере, в какой эта общественная сила выражает реальную, объективную, необходимость и возможность прогрессивного развития данного социума, она демократична и имеет право на такие действия, даже если идет вразрез с инерцией обывательского большинства. И только история скажет, права она была или нет.

Подчеркну: это не лозунг «цель оправдывает средства», нет. Это идея, если угодно, прогрессорства, содействующего объективно возможному и необходимому развитию общества в условиях, когда субъективный фактор – инерция конформистских слоев – противостоит прогрессу. Здесь, однако, принципиален «нюанс»: это прогрессорство может и должно иметь исключительно культурные формы. Политическое и идеологическое насилие вызовет лишь обратный эффект.

Отсюда важная «лакмусовая бумажка» прогрессивности таких действий: если творческая интеллигенция, не формальная элита, а действительно наиболее талантливая, творческая часть интеллигенции поддержит это движение, то это будет важным признаком того, что движение идет в правильном направлении.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 90 ЛЕТ

*Бузгалин А.В.,
д.э.н., профессор МГУ*

Время – безжалостно. И нелинейно. Оно не просто расставляет все по своим местам, но и многократно перетряхивает уже расставленные по полочкам оценки. Октябрьская революция также многократно была оценена и переоценена на протяжении этих 90 лет. И этот процесс будет продолжаться.

Сегодня среди этих оценок доминирует хула. И это не случайно: мы находимся на реверсивном (попятном) витке истории. Тем важнее сейчас вновь честно и открыто размышлять о великих подвигах и чудовищных ошибках всех тех, кто творил нашу Революцию. Не ставя себя выше них, но понимая всю важность учета того видения, что дает ретроспектива 90 лет. Не камуфлируя своих коммунистических взглядов, но и не давая им исказить видение объективных процессов. Не стремясь к истине в последней инстанции, но и не отказываясь от открытой полемики со своими коллегами.